

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-544-556

Роль цифровой диаспоры в преодолении уязвимости мигрантов в контексте пандемии covid-19 (кейс молдавских мигрантов)*

С.В. Рязанцев^{1,3}, О.А. Волкова¹, А.Н. Оставная²

¹Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
ул. Фотиевой, 6–1, Москва, 119333, Россия

²Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
ул. 25 октября, 128, Тирасполь, 347250, Молдова

³Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: riazan@mail.ru; volkovaoa@rambler.ru; alaost@rambler.ru)

Аннотация. Современные информационно-коммуникативные технологии способствуют становлению квазиинститута транснационального сообщества мигрантов в качестве цифровой диаспоры. Ей свойственны несколько функций: поддержание связей со страной происхождения, обеспечение транснационального взаимодействия, конструирование идентичности мигрантов, консолидация их этнической общности и социальная адаптация, выражение субъектности диаспоры в публичной сфере, психоэмоциональная поддержка. Актуальность исследования роли цифровой диаспоры в преодолении уязвимости мигрантов в контексте пандемии обусловлена необходимостью осмысления адаптации мигрантов в условиях трансформации миграционных процессов и использования мигрантами современных информационно-коммуникативных технологий. Объект исследования — онлайн-группы молдавских мигрантов, которые характеризуются стремительной институционализацией диаспорных организаций. Предмет — механизмы социальной адаптации молдавских мигрантов, призванные преодолеть их уязвимости и риски в условиях пандемии посредством современных информационно-коммуникативных технологий. Исследование основано на концепте «цифровая диаспора» и вторичном анализе данных Представительства Международной организации по миграции в Молдове об интернет-практиках молдавских мигрантов (2017) и положении мигрантов в условиях пандемии (2020). Основной метод исследования — анализ содержания крупнейших интернет-групп молдавских мигрантов в социальной сети. Инструмент анализа — метод построения «дерева проблем» и «дерева решений». Исследование показало, что в период пандемии интернет-группы молдавских мигрантов стали площадкой их самоорганизации и преодоления ряда уязвимостей, а также выполнили информационную, организационную, представительскую, мобилизационную и рекреационную функции. Сделан вывод, что опыт интернет-групп молдавских мигрантов может быть экстраполирован на другие мигрантские сообщества и иные контексты, где целесообразна политическая, экономическая и социокультурная субъектность мигрантов.

Ключевые слова: мигранты; цифровая диаспора; функции цифровой диаспоры; субъектность диаспоры; уязвимость мигрантов; covid-19; молдавская диаспора

* © Рязанцев С.В., Волкова О.А., Оставная А.Н., 2022

Статья поступила 13.03.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

Пандемия covid-19 породила новые риски и угрозы для мигрантов. Большинство публикаций по этой теме рассматривают политики и программы стран исхода и приема мигрантов [30; 31], и незначительное количество публикаций посвящено роли мигрантского сообщества в преодолении уязвимостей [29; 32]. Наше исследование нацелено на рассмотрение интернет-активности молдавского мигрантского сообщества в противостоянии рискам пандемии. Проект основан на эмпирических данных Представительства Международной организации по миграции в Молдове (МОМ Молдова) об особенностях интернет-практик молдавских мигрантов («Интернет-активность молдавских мигрантов и оценка сайтов, которые они используют для удовлетворения своих потребностей», 2017) и положении молдавских мигрантов за рубежом в условиях пандемии («Экспресс-оценка МОМ воздействия covid-19 на благополучие молдавской диаспоры», 2020).

В последние десятилетия в зарубежной науке стало использоваться понятие «цифровая диаспора» («виртуальная диаспора», «е-диаспора»). Его методологической основой служат несколько концепций. Во-первых, теория социального капитала П. Бурдьё, который наряду с экономическим и культурным капиталом выделяет социальный капитал — совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания (членство в группе) [22. С. 66]. Во-вторых, теория воображаемых сообществ Б. Андерсона, согласно которой нация — социально сконструированное сообщество, воображенное людьми, воспринимающими себя как его часть [21. С. 30–32]. В-третьих — теория сетевого общества М. Кастельса: современные информационные технологии способствуют становлению «сетей», характеризующихся открытостью, децентрализованностью, саморазвитием, преобладанием горизонтальных связей, автономностью включенных в них узлов [27. С. 13]. В-четвертых, концепция «глобальной деревни» М. Маклюэна: использование электронных средств коммуникации делает несущественным физическое расстояние между пользователями и «сжимает» его до размеров «глобальной деревни» [14]. В-пятых, теория миграционных сетей Д. Массея, в которой описаны функции «социальных сетей мигрантов» и «сообществ мигрантов» в создании мигрантской инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие и адаптацию мигрантов [13]. В-шестых, теория транснационализма, которая исходит из включенности мигрантов в многосторонние взаимодействия (семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные, политические) и развития их субъектности и идентичности в этих сетях отношений, связывающих их с двумя и более государствами [1. С. 8].

Концепт «цифровая диаспора» означает сообщество мигрантов, взаимодействующее посредством информационно-коммуникационных технологий. Согласно Дж. Бринкерхофф, цифровой диаспоре свойственны такие харак-

теристики, как добровольность участия и общения, низкие барьеры входа/выхода, неиерархическая коммуникация [2. С. 86]. Цифровая диаспора может выполнять несколько функций:

- поддержание связей со страной происхождения (контактов с семьями и друзьями, оставшимися на родине) [6];
- обеспечение транснационального взаимодействия — посредством онлайн-практик связи мигрантов простираются через континенты и океаны, формируя глобальную виртуальную коммуникацию диаспоры [9]; транснациональная коммуникация поддерживает рассредоточенные «сообщества сходства» и способствует объединению капитала [12];
- конструирование идентичности мигрантов — интернет-активность обеспечивает формирование новых дискурсов и нормативных структур, позволяющих по-новому определить свои идеалы и интересы в качестве сообщества [3], мигранты утрачивают этнические черты, и формируется цифровая транснациональная идентичность [2];
- консолидация этнической общности — этнические онлайн-сообщества и цифровые диаспоры пытаются повернуть время вспять и «обновить чувство общности», выступая элементом посттрадиционного мира [7];
- социальная адаптация — на начальном этапе миграции онлайн-источники наряду с институциональными (посольства/консульства, работодатели, кадровые агентства, мигрантские и другие организации) и неинституциональными структурами (семья, друзья/знакомые) способствуют адаптации мигрантов в стране приема (получение документов, поиск жилья и работы) [15]; социальные сети расширяют возможности поддержания прочных связей с семьей и друзьями, задействуют слабые связи в организации миграции и интеграции, создают новую инфраструктуру, состоящую из латентных связей, содержат дискретные и неофициальные источники инсайдерской информации о миграции [6];
- выражение субъектности диаспоры в публичной сфере — наполнение «мигрантской риторики» в онлайн-группах социально значимой проблематикой [10]; диаспоры все чаще заявляют о своей позиции, используя анонимность и свободу выражения мнений, которые обеспечивает Интернет (особенно это характерно для диаспор, которым было отказано в выражении своей позиции на родине, — курдской диаспоры в Европе, сирийской диаспоры в Турции и др.) [8];
- психоэмоциональная поддержка — возможность ежедневного общения с близкими в социальных сетях может повысить психологическое благополучие мигрантов и побудить их устанавливать больше социальных контактов в офлайне [8].

В отечественной мигрантологии акцентируются несколько особенностей цифровой диаспоры мигрантов: это социально-информационный и коммуникационный квазиинститут, который реализует разные виды информаци-

онного взаимодействия в формате социального диалога (внутренний диалог этнического сообщества в виде внутренней координации, взаимодействия и самопрезентации; внешний диалог — межобщинное взаимодействие, коммуникация с принимающим государством и его гражданским обществом; гипервнешний диалог — международное транснациональное информационное взаимодействие и транснациональная мобильность) [23. С. 44]; это квазиинститут в силу своей «неформальности», недостаточной легальности и институционального закрепления в принимающем сообществе [24. С. 26]; это централизующее поле для культурной идентичности, связывающее мигрантов с местом происхождения, и виртуальный центр, вокруг которого складываются воображаемые этнические пространства [26. С. 62]. Социальные сети играют ключевую роль в повседневной жизни земляков, представляя собой развивающуюся публичную сферу для диаспор и функционируя как «место встречи» [25]. Членство мигрантов в виртуальном пространстве одновременно консолидирует и дезинтегрирует/фрагментирует национальную идентичность, и основой дезинтеграции выступают расхождения во мнениях и «рваных» нарративах [26]. Социальные медиа выступают в качестве инструмента минимизации информационного дефицита, как один из действенных механизмов интеграции, частично компенсируя дефицит социального капитала в принимающей стране и минимизируя затраты и риски, связанные с тем или иным этапом миграционного процесса [33].

В зарубежной мигрантологии создана серьезная теоретическая основа для анализа процессов миграции с использованием концепта «цифровая диаспора». Среди российских исследователей миграции данный феномен не нашел должного осмысления в качестве методологического инструмента эмпирического изучения, хотя концепт цифровой диаспоры позволяет иначе посмотреть на адаптацию мигрантов, особенно в ситуациях неординарного характера, какой стала пандемия covid-19, доказательством чему служит кейс молдавских цифровых диаспор.

Республику Молдова характеризует интенсивная эмиграция: численность молдавских мигрантов за рубежом составляет около 1 млн., при том что, согласно Бюро национальной статистики Молдовы, на начало 2021 года численность населения страны составила 2,6 млн. Значительная часть молдавских мигрантов за рубежом — это временные трудовые мигранты в России, Италии, Израиле, Германии и др. В последние годы Молдова проводит активную миграционную политику, реализуя множество программ и проектов по консолидации молдавской диаспоры, в результате чего во многих странах функционируют молдавские диаспорные организации, включая онлайн-сообщества. Согласно результатам картографирования ассоциаций молдавской диаспоры, их характеризуют следующие достижения: добились признания диаспоры надежным партнером властями стран приема; продвижение Молдовы в стране эмиграции; сохранение и передача молдавской

культуры и традиций, общего исторического наследия и основ взаимодействия между Молдовой и страной эмиграции; выступление в качестве агента перемен в Молдове и помощи населению; импорт положительного опыта из стран эмиграции в Молдову; ресурс информирования о безопасной миграции и социальной защите мигрантов [19]. Отмечается активность молдавских мигрантов в создании интернет-сообществ и их использовании в качестве инструментов информирования мигрантов, т.е. социальные сети стали источником транснационального влияния (в том числе политической мобилизации и передаче инноваций [5], сохранении этнической и культурной идентичности детей молдавских мигрантов за рубежом [20]).

В допандемийный период были проведены исследования молдавских мигрантов за рубежом [4; 16–18]: они показали высокий уровень уязвимости мигрантов в правовой (легальность пребывания и социальная защищенность), экономической (занятость, доходы и качество жизни) и социальных сферах (адаптация и интеграция). Исследование «Экспресс-оценка МОМ воздействия covid-19 на благополучие молдавской диаспоры» выявило новые уязвимости: снижение доходов (62%), отсутствие компенсации или пособия по безработице (57%), потеря или приостановление работы (47%), потеря доходов (26%), нехватка денег для покрытия расходов по ипотеке или аренде жилья (23%), качество жизни на грани выживания (16%). Факторами уязвимости стали: правовой статус в стране пребывания; сфера деятельности; тип трудового договора; политика социальной защиты принимающей страны и включения мигрантов в число ее бенефициаров; бюрократические процедуры доступа к государственной поддержке и т.д. [28. С. 52]. Согласно результатам исследования «Интернет-активность молдавских мигрантов и оценка сайтов, которые они используют для удовлетворения своих потребностей» порядка 60–75% молдавских мигрантов пользуются Интернетом ежедневно, и наиболее популярные ресурсы — социальные сети (81%), видеохостинги (74%), онлайн-чаты (63%) и новостная рассылка онлайн (49%).

Наше исследование показало, что крупнейшие интернет-сообщества молдаван за рубежом функционируют в социальной сети Facebook¹. Были выявлены 8 групп, в которых состоят свыше 10 тысяч человек. Крупнейшие из них (свыше 50 тысяч) объединяют пользователей в транснациональную группу «Adopta un moldovean» [Приобрати молдаванина], а также в географические группы в Великобритании, Италии и Франции. Примечательно что численность молдавских цифровых диаспор по данным локациям (за исключением Италии) в разы больше, чем официальное количество мигрантов в них: по данным дипломатических и консульских миссий Республики

---

¹ Компания Meta Platforms Inc., владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, по решению суда от 21.03.2022 г. признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

Молдова, в 2019 году 129 тысяч молдаван находились в Италии, 18 тысяч — в Великобритании, 17 — во Франции. Это обстоятельство обусловлено тем, что цифровые диаспоры представляют собой транснациональное сообщество, которое объединяет молдавских мигрантов в конкретной стране, в других странах, членов их семей, возвратных мигрантов в Молдове и соотечественников, планирующих эмиграцию за рубеж.

Тематика диаспорных интернет-групп зависит от интернет-культуры мигрантов и приоритетов их коммуникации. Так, среднее число публикаций по 8 группам составляет 27,9 публикаций в сутки и 683,9 публикаций в месяц (Табл. 1).

Таблица 1

Крупнейшие интернет-группы молдавских мигрантов в социальной сети

Группы	Дата регистрации	Количество участников на 07.02.2022	Частота публикаций		Ссылка
			в сутки	в месяц	
Moldoveni in UK [Молдаване в Великобритании]	29.05.2012	79260	33	902	https://www.facebook.com/groups/233845123394521
Moldoveni in Italia [Молдаване в Италии]	23.10.2016	75637	9	344	https://www.facebook.com/groups/moldoveni.in.italia
Salut Paris (Moldovenii in Franta/ Moldovenii din Paris) [Привет Париж (Молдаване во Франции/ Молдаване в Париже)]	18.01.2015	68966	95	2127	https://www.facebook.com/groups/Franta
Adopta un moldovean [Приобрети молдаванина]	24.12.2016	56817	5	173	https://www.facebook.com/groups/1835960850007480
Moldoveni in Germania [Молдаване в Германии]	16.11.2017	33728	28	651	https://www.facebook.com/groups/BASARABENI.IN.GERMANIA/
Moldoveni in Spania [Молдаване в Испании]	25.02.2013	18807	8	185	https://www.facebook.com/groups/189552631169097
Moldovenii in Israel [Молдаване в Израиле]	01.12.2018	18757	19	434	https://www.facebook.com/groups/206712266873877/
Moldoveni in Olanda [Молдаване в Голландии]	22.08.2018	13180	26	655	https://www.facebook.com/groups/moldoveniinolanda

Интернет-активность молдавских мигрантов связана с тем, что в условиях зарубежья для них характерны проблемы социокультурной адаптации и интеграции, т.е. значима коммуникация внутри мигрантского сообщества. Поскольку молдавских мигрантов за рубежом характеризует высокая дисперсия в географическом пространстве, офлайн-коммуникация с соотечественниками затруднена, а Интернет и социальные сети обеспечивают взаимодействие. Аргументом в пользу этой гипотезы служит тот факт, что крупнейший контингент молдавских мигрантов проживает в России (356,8 тысяч), где социокультурная адаптация и интеграция молдаван с россиянами происходит быстрее, чем в других странах. Причем в социальных сетях лишь несколько интернет-групп молдавских мигрантов в России («Молдаване в Москве и МО» — 8,3 тысячи, «Молдаване в России» — 3,5, «Молдаване Санкт-Петербурга» — 3,1), т.е. количество их участников значительно меньше числа молдавских мигрантов в стране, а публикационная активность в группах очень низкая.

В период пандемии covid-19 большинство стран ввели ограничения на перемещения населения, установили режим самоизоляции и пр., что повысило роль Интернета в самоорганизации мигрантов. Исследователи выделили следующие уязвимости мигрантов в период пандемии: заражение; отсутствие доступа к надлежащему уходу; возникновение серьезных симптомов и осложнений; негативное психосоциальное воздействие; отсутствие доходов и средств существования [11]. Поскольку эта система уязвимостей мигрантов в условиях пандемии имеет иерархический характер, она легла в основу «дерева проблем», а анализ содержания публикаций в интернет-группах молдавских мигрантов позволил разработать для него «дерево решений» (Табл. 2).

Таблица 2

«Дерево проблем» и «дерево решений» для интернет-групп мигрантов

Заражение covid-19	→	Предотвращение заражения
Ограниченная осведомленность о рекомендуемых профилактических мерах, в том числе из-за языковых барьеров	→	Информирование о профилактических мерах на языке мигранта
Неспособность соблюдать социальную дистанцию в многолюдных домах	→	Информирование о размещении в безопасных условиях
Опора на общественный транспорт	→	Информирование о частных пассажирских перевозках
Занятость в профессиях с близким контактом с людьми	→	Информирование о правах в профессиях с близким контактом с людьми
Ограниченный доступ к основным предметам гигиены	→	Сбор и раздача предметов гигиены
Ограниченные средства индивидуальной защиты на рабочем месте	→	Информирование о правах на средства индивидуальной защиты на работе

Продолжение таблицы 2

Отсутствие доступа к надлежащему уходу	→	Информирование о правах доступа к надлежащему уходу
Отсутствие права/приоритета на медицинское обслуживание	→	Информирование о правах на медицинское обслуживание
Отсутствие доступа к объектам инфраструктуры	→	Информирование о доступных объектах инфраструктуры
Ограниченная осведомленность о вариантах/праве на медицинскую помощь	→	Информирование о вариантах/праве на получение медицинской помощи
Языковые барьеры	→	Посредничество
Нежелание обращаться за помощью из-за страха ареста или стигматизации	→	Поддержка/посредничество
Возникновение серьезных симптомов и осложнений	→	Минимизация серьезных симптомов и осложнений
Легочные (респираторные) проблемы, связанные с поездками и условиями жизни	→	Информирование о безопасной миграции
Физическое истощение	→	Сбор и раздача предметов первой необходимости, предоставление приюта
Невозможность получить своевременную помощь	→	Информирование и посредничество
Негативное психосоциальное воздействие	→	Минимизация воздействия
Ограниченное жилое и бытовое пространство во время изоляции	→	Информирование о размещении мигрантов в безопасных условиях
Изоляция и неспособность общаться	→	Коммуникация с помощью современных средств связи, в том числе с психологами
Препятствия для захоронения умерших	→	Информирование о возможностях и помощь в захоронении умерших
Беспокойство, связанное с ограничениями передвижения, потенциальным арестом или вероятностью стать жертвой ксенофобских действий	→	Поддержка/посредничество при обращении за помощью и организации возвращения на родину
Отсутствие доходов и средств существования	→	Сбор и раздача финансовой помощи и предметов первой необходимости
Прекращение базовой помощи и услуг по интеграции	→	Информирование и посредничество
Потеря работы	→	Информирование о правах при потере работы, новых вакансиях
Невключение в схему поддержки доходов, программы предоставления жилья или субсидий, льгот на аренду	→	Информирование и посредничество
Неспособность поддерживать статус регулярной миграции	→	Информирование и посредничество

Таким образом, метод дерева проблем и решений доказывает эффективность интернет-групп мигрантов в преодолении уязвимостей пандемии — они выступили в качестве площадки самоорганизации и выполнили следующие функции: информационную — информирование мигрантов о различных аспектах заболевания, вакцинации, перемещений, социальной защиты и др. (в онлайн-группах публиковалась официальная информация и описывался опыт мигрантов, т.е. группы оказались более эффективными в информировании мигрантов, чем официальные каналы коммуникации (сообщения государственных структур и СМИ)); организационная — решение проблем мигрантов с помощью сообщества (информирование, волонтерство, сбор финансовых средств и др.); представительская — защита прав и интересов мигрантов, в том числе в рамках проводимой Республикой Молдова политики возвращения и социальной защиты мигрантов в условиях пандемии; мобилизационная — активизация политического (электорального) потенциала диаспоры для политических процессов в Республики Молдова (так, во втором туре выборов Президента Республики Молдова в 2020 году на зарубежных избирательных участках проголосовало 16% всего электората, на досрочных парламентских выборах в 2021 году — 14,4%); рекреационная — снятие психологического напряжения на фоне стресса в условиях пандемии посредством общения и взаимной поддержки.

Информация о финансировании

Публикация выполнена в рамках проекта № 060120-2-174 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН

Библиографический список

1. *Basch L.G., Glick Schiller N., Szanton Blanc C.* Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. Langhorne, 1994.
2. *Brinkerhoff J.* Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement. Cambridge, 2009.
3. *Brinkerhoff J.M.* Digital diasporas' challenge to traditional power: The case of Tibet Board // *Review of International Studies*. 2011. No. 38.
4. *Cheianu-Andrei D.* Mapping of the Moldovan Diaspora in Italy, Portugal, France and the United Kingdom. Chisinau, 2013.
5. *Ciobanu R., Rosca M.* Moldovan diaspora's social networks: Political mobilization and participation // *Central and Eastern European EDem and EGov Days*. 2020. Vol. 338.
6. *Dekker R., Engbersen G.* How social media transform migrant networks and facilitate migration // *Global Networks*. 2013. Vol. 14. No. 4.
7. *Diamandaki K.* Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace // *Global Media Journal*. 2003. No. 2.
8. *Diker E.* Social media and migration // URL: <http://ps-europe.org/social-media-and-migration>.
9. *Everett A.* Digital Diaspora: A Race for Cyberspace. Albany, 2009.
10. *Filiz G., Asad A.L.* Migrant networks. Emerging trends in the social and behavioral sciences: An interdisciplinary, searchable, and linkable resource. URL: DOI:10.1002/9781118900772. etrds0220.
11. *Guadagno L.* Migrants and the covid-19 pandemic: An initial analysis // *Migration Research Series*. 2020. Vol. 60.

12. Komito L. Social media and migration: Virtual community 2.0 // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2011. Vol. 62. No. 2.
13. Massey D. A synthetic theory of international migration // World in the Mirror of International Migration. 2002. No. 1.
14. McLuhan M., Powers B.R. The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century. N.Y., 1992.
15. Meeteren M.J., Pereira S. The differential role of social networks. Strategies and routes in Brazilian migration to Portugal and the Netherlands // Citizenship, Migration & the City. 2013. Vol. 66.
16. Mosneaga V. Mapping Moldovan diaspora in Germany, UK, Israel, Italy, Portugal and Russia. Chisinau, 2017.
17. Mukomel V., Cheianu-Andrei D. Moldovans in the Russian Federation: Socio-Economic Profile and Policy Challenges. Chisinau, 2013.
18. Ostavnaia A. Mapping Migration from Transnistria. Chisinau, 2017.
19. Vladicescu N. Cartografierea asociațiilor din diasporă. Studiu sociologic. Chisinau, 2021.
20. Volkova O., Besschetnova O., Ostavnaja A. Distance education as a way of saving ethnic and cultural identity of migrant children // International Scientific Conference “eLearning and Software for Education”. 2017. Vol. 1.
21. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
22. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5.
23. Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Цифровая диаспора мигрантов: к вопросу о методологии исследования // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 5.
24. Глухов А.П., Кузнецова-Саган И.П. Новые концептуальные рамки исследований «цифровизации» миграции и диаспор: от маргинала к «подключенному» к сети // «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей. Томск, 2016.
25. Демченко Е.В. Роль электронных СМИ и социальных медиа в создании новой коммуникативной среды диаспоры (на примере удмуртов) // Человеческий капитал. 2017. № 10.
26. Исхакова Л.Г. Гибридные идентичности представителей диаспор: кейс татар в США // Дискуссия. 2017. № 11.
27. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
28. Оставная А.Н. Проблемы молдавских мигрантов в условиях пандемии covid-19 // Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2.
29. Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии covid-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6.
30. Рязанцев С.В., Молодикова И.Н., Брагин А.Д. Влияние пандемии covid-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 4.
31. Рязанцев С.В., Брагин А.Д., Рязанцев Н.С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии covid-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3.
32. Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Касымов О.К. Таджикские общины в российских регионах в период пандемии covid-19: занятость и солидарность // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2021. № 1.
33. Тимошкин Д. Доверие vs дезинформация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 5.

The role of the digital diaspora in overcoming the vulnerabilities of migrants under the covid-19 pandemic (the case of Moldovan migrants)*

S.V. Ryazantsev^{1,3}, O.A. Volkova¹, A.N. Ostavnaia²

¹Institute for Demographic Research of FCTAS RAS
Fotievoy St., 6–1, Moscow, 119333, Russia

²Shevchenko Pridnestrovian State University
25 October St., 128, Tiraspol, 347250, Moldova,

³RUDN University

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

(e-mail: riazan@mail.ru; volkovaoa@rambler.ru; alaost@rambler.ru)

Abstract. Contemporary information-communication technologies contribute to the development of the quasi-institution ‘transnational migrant community’ in the form of digital diaspora. It has several functions: maintaining ties with the country of origin, ensuring transnational interaction, constructing the identity of migrants, consolidating their ethnic community and social adaptation, expressing the subjectivity of the diaspora in the public sphere, psycho-emotional support. The relevance of the study of the digital diaspora’s role in overcoming vulnerabilities of migrants under the pandemic is determined by the need to consider the adaptation of migrants in the context of the transformation of migrations and the use of contemporary information-communication technologies by migrants. The object of the study is the online groups of Moldovan migrants, which are characterized by the rapid institutionalization of diaspora organizations. The authors focus on the mechanisms of social adaptation of Moldovan migrants, which serve to overcome their vulnerabilities and risks under the pandemic with information-communication technologies. The study is based on the concept “digital diaspora” and the secondary analysis of the data from the Representative Office of the International Organization for Migration in Moldova on the Internet practices of Moldovan migrants (2017) and on the situation of migrants under the pandemic (2020). The main research method is the analysis of the content of the largest Internet groups of Moldovan migrants in the social network with the techniques “problem tree” and “decision tree”. The study showed that during the pandemic, the Internet groups of Moldovan migrants became a platform for their self-organization and overcoming vulnerabilities, and also performed informational, organizational, representative, mobilization and recreational functions. The authors believe that the experience of the Internet groups of Moldovan migrants can be extrapolated to other migrant communities and other contexts supporting the political, economic and social-cultural subjectivity of migrants.

Key words: migrants; digital diaspora; functions of digital diaspora; diaspora subjectivity; migrants’ vulnerability; covid-19; Moldovan diaspora

Funding

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System. Project № 060120-2-174.

---

* © S.V. Ryazantsev, O.A. Volkova, A.N. Ostavnaia, 2022

The article was submitted on 28.11.2021. The article was accepted on 10.06.2022.

References

1. Basch L.G., Glick Schiller N., Szanton Blanc C. *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. Langhorne; 1994.
2. Brinkerhoff J. *Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement*. Cambridge; 2009.
3. Brinkerhoff J.M. Digital diasporas' challenge to traditional power: The case of Tibet Board. *Review of International Studies*. 2011; 38.
4. Cheianu-Andrei D. *Mapping of the Moldovan Diaspora in Italy, Portugal, France and the United Kingdom*. Chisinau; 2013.
5. Ciobanu R., Rosca M. Moldovan diaspora's social networks: Political mobilization and participation. *Central and Eastern European EDem and EGov Days*. 2020; 338.
6. Dekker R., Engbersen G. How social media transform migrant networks and facilitate migration. *Global Networks*. 2013; 14. (4).
7. Diamandaki K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace. *Global Media Journal*. 2003; 2.
8. Diker E. Social media and migration. URL: <http://ps-europe.org/social-media-and-migration>.
9. Everett A. *Digital Diaspora: A Race for Cyberspace*. Albany; 2009.
10. Filiz G., Asad A.L. Migrant networks. Emerging trends in the social and behavioral sciences: An interdisciplinary, searchable, and linkable resource. URL: DOI:10.1002/9781118900772.etrds0220.
11. Guadagno L. Migrants and the covid-19 pandemic: An initial analysis. *Migration Research Series*. 2020; 60.
12. Komito L. Social media and migration: Virtual community 2.0. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2011; 62 (2).
13. Massey D. A synthetic theory of international migration. *World in the Mirror of International Migration*. 2002; 1.
14. McLuhan M., Powers B.R. *The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century*. New York; 1992.
15. Meeteren M.J., Pereira S. The differential role of social networks. Strategies and routes in Brazilian migration to Portugal and the Netherlands. *Citizenship, Migration & the City*. 2013; 66.
16. Mosneaga V. *Mapping Moldovan diaspora in Germany, UK, Israel, Italy, Portugal and Russia*. Chisinau; 2017.
17. Mukomel V., Cheianu-Andrei D. *Moldovans in the Russian Federation: Socio-Economic Profile and Policy Challenges*. Chisinau; 2013.
18. Ostavnaia A. *Mapping Migration from Transnistria*. Chisinau; 2017.
19. Vladicescu N. *Cartografierea asociatiilor din diaspora. Studiu sociologic*. Chisinau; 2021.
20. Volkova O., Besschetnova O., Ostavnaja A. Distance education as a way of saving ethnic and cultural identity of migrant children. *International Scientific Conference "eLearning and Software for Education"*. 2017; 1.
21. Anderson B. *Voobrazhayemye soobshchestva* [Imagined Communities]. Moscow; 2001. (In Russ.).
22. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2002; 3 (5). (In Russ.).
23. Volkov Yu.G., Kurbatov V.I. Tsifrovaya diaspora migrantov: k voprosu o metodologii issledovaniya [Digital diaspora of migrants: On the research methodology]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2020; 9 (5). (In Russ.).
24. Glukhov A.P., Kuzheleva-Sagan I.P. Novye kontseptualnye ramki issledovaniy "tsifrovizatsii" migratsii i diaspor: ot marginala k "podklyuchennomu" k seti [A new conceptual framework for the study of the "digitalization" of migration and diasporas: From the marginal to the "connected"]. *"Tsifrovyye diaspori" migrantov iz Tsentralnoy Azii: virtualnaya setevaya organizatsiya, diskurs "voobrazhaemogo soobshchestva" i konkurentsiya identichnostey*. Tomsk; 2016. (In Russ.).

25. Demchenko E.V. Rol elektronnykh SMI i sotsialnykh media v sozdanii novoy kommunikativnoy sredy diaspory (na primere udmurtov) [The role of the electronic mass media and social media in creating a new communicative environment for the diaspora (on the example of the Udmurts)]. *Chelovechesky Kapital*. 2017; 10. (In Russ.).
26. Iskhakova L.G. Gibridnye identichnosti predstaviteley diaspor: keys tatar v SShA [Hybrid identities of diasporas' representatives: The Tatar case in the US]. *Diskussiya*. 2017; 11. (In Russ.).
27. Castells M. *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. Ekaterinburg; 2004. (In Russ.).
28. Ostavnaia A.N. Problemy moldavskikh migrantov v usloviyakh pandemii covid-19 [Problems of Moldovan migrants under the covid-19 pandemic]. *Demograficheskie Issledovaniya*. 2021; 1 (2). (In Russ.).
29. Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. Uyazvimye gruppy v chrezvychnykh situatsiyah: solidarnost i doverie gosudarstvu kak osnova strategiy migrantov v Rossii vo vremya pandemii covid-19 [Vulnerable groups during disasters: Solidarity and trust to the state as the basis for migrant strategies in Russia under the covid-19 pandemic]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 6. (In Russ.).
30. Ryazantsev S.V., Molodikova I.N., Bragin A.D. Vliyanie pandemii covid-19 na polo-zhenie migrantov na rynkakh truda stran SNG [The impact of the covid-19 pandemic on the labor migration in the CIS]. *Baltiysky Region*. 2020; 12 (4). (In Russ.).
31. Ryazantsev S.V., Bragin A.D., Ryazantsev N.S. Polozhenie trudovykh migrantov v regi-onah mira: vyzovy pandemii covid-19 i reaktsiya pravitelstv [Situation of labor migrants in the regions of the world: Challenges of the covid-19 pandemic and the response of governments]. *Nauchnoe Obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i Pravo*. 2020; 3. (In Russ.).
32. Ryazantsev S.V., Vazirov Z.K., Kasymov O.K. Tadzhikskie obshchiny v rossiyskikh re-gionah v period pandemii covid-19: zanyatost i solidarnost [Tajik communities in Russian regions during the covid-19 pandemic: Employment and solidarity]. *Nauchnoe Obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i Pravo*. 2021; 1. (In Russ.).
33. Timoshkin D. Doverie vs dezinformatsiya: ekonomika russkoyazychnykh "migrantskiy" grupp v sotsialnykh setyah [Trust vs disorientation: Economy of the Russian-speaking "migrant" groups in the social media]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2019; 20 (5). (In Russ.).